

Рѣчь предъ молебномъ по случаю выдачи виптовокъ нижнимъ чинамъ Сибирскаго флот. экипажа, 5 янв. 1908 года.

Сегодня для нашего экипажа, дорогіе матросы, большой праздникъ: съ экипажа снимается опала, тяготѣвшая послѣ чернаго дѣла 17-го октября минувшаго года: намъ возвращается довѣріе начальниковъ и, какъ знакъ этого, вы сейчасъ, послѣ окропленія св. водою, получите въ свои руки винтовки,—чего были лишены вслѣдствіе того-же страшнаго дѣла, совершеннаго вашими несчастными товарищами.

17-е октября—день печали для экипажа и всего нашего флота, день позора для чести древняго Андреевскаго флага. Со временъ Петра Великаго существуетъ флотъ. Два столѣтія создавались его достоинство и честь—трудами мирными и боевыми доблестями цѣлыхъ поколѣній славныхъ и честныхъ моряковъ, изъ коихъ многіе оставили въ исторіи безсмертныя имена. Уже въ первыхъ бояхъ сотни и тысячи храбрыхъ моряковъ за честь флота сложили свои головы, въ послѣдующихъ—все новые и новые бойцы—ваши дѣды и прадѣды—несли свои подвиги, клали свою жизнь, какъ чистую жертву долгу предъ Государемъ и отечествомъ, и все это беззавѣтно слагали къ подножію Андреевскаго флага, постепенно поднимая его на недосягаемую высоту. Подумайте:—какая это получилась страшная, таинственная высота, завѣщанная вамъ предками!

17-е октября кощунственно положило на эту морскую святыню—еще новое черное пятно.—Глубокая скорбь не даетъ вспоминать то, что совершилось въ этотъ памятный день (*). Но предъ глазами, помимо воли, лежатъ, какъ тогда, въ безвременныхъ гробахъ своихъ, съ молчаливымъ укоромъ, убитые офицеры., стоятъ ихъ убитые горемъ родные. Витаютъ, какъ мрачныя тѣни, души безславно погибшихъ молодыхъ матросовъ. Стоять, какъ тогда, напрасно стучась къ желѣзнымъ госпитальнымъ воротамъ, бѣдныя жены матросовъ съ дѣтми на рукахъ, съ плачемъ порывающіяся узнать: не въ числѣ-ли этихъ ужасныхъ труповъ, что на дворѣ, ихъ дорогіе мужья!? Еще—19 труповъ казненныхъ...

(*) Имятъ контръ-минносеца «Скорый» начался около 9 часовъ, во время литургіи въ церкви экипажа; здѣсь былъ и и. д. командира экипажа. Въ концу молебна все было уже окончено. Переключный пунктъ—дворъ морскаго госпиталя. Сюда были принесены: убитые офицеры—Н. Куротъ, А. Штеръ и смертельно раненый Н. Южковичъ; убитые снарядами, пулями и прикладами, матросы (11) и штатскія лица—агитаторы (3), изъ коихъ одна женщина—еврейка; обваренные паромъ съ головы до ногъ—3 матроса и 2 штатскихъ, съ блылыми пятнами вмѣсто глазъ, съ блылыми губами и полостью рта, мечущіеся въ предсмертныхъ корчахъ и задыхающіеся.

А оттуда, издали, слышится безысходное горе отцовъ и матерей, еще не давно дрожащими руками благословлявшихъ сына—на честную службу Царю и родинѣ, а не на извѣдъ и бунтъ.

Нѣтъ старикамъ утѣшенія, даже религіознаго: вѣдь не на честномъ полѣ брани погибъ ихъ сынъ, а его, клятвенно преступную, заблудшую душу ожидаетъ суровый приговоръ Небеснаго Судьи: «неключимаго негоднаго раба свергните въ тьму, кромѣшную, гдѣ—плачь и скрежетъ—зубовъ».

Много зла и бѣдъ причинили преступные агитаторы, эти самозванные радѣтели и печальники за народъ и матроса, проникшіе на миноносецъ, какъ волки въ овечьей шкурѣ, и до того затуманившіе довѣрчивыя головы матросовъ, что они забыли Бога и совѣсть, и обезумѣвшіе подняли руку на своихъ же офицеровъ, пошлѣ братъ на брата, какъ древній убійца Каинъ на Авеля.

Скрыли отъ нихъ агитаторы, что другихъ плодовъ ихъ преступная работа не принесла никакихъ и нигдѣ: ни въ живущемъ Балтійскаго флота, ни въ Черноморскомъ флотѣ, ни въ сухопутныхъ частяхъ: она всюду лишь встала братоубійство—на горе и тревогу родинѣ и флоту, на радость врагамъ: вѣншимъ и внутреннимъ, коихъ такъ много объявилось у матушки и Россіи.

Скрыли агитаторы, что всѣ военные бунты и возстанія осудилъ ихъ же главарь—бывшій предсѣдатель совѣта рабочихъ депутатовъ, признавъ оныхъ негодными средствами. Ввели они въ обманъ ващихъ товарищей, но и сами жестоко обманулись: вѣрные догу свои-же команды затушили пожаръ бунта въ самомъ началѣ, возстановили порядокъ, за что и удостоились благодарности Державнаго Вождя, Государя Императора.

Дорогіе моряки! Запомните печальный урокъ 17-го октября. Не забывайте Бога, что-бы и Онъ васъ не оставилъ. Держитесь церкви и вѣры отцовъ. «Необходимо, чтобы и въ атомъ г. офицеры подавали примѣръ нижнимъ чинамъ, сажая, что ослабленіе религіознаго чувства и пренебреженіе къ церкви и ея обрядамъ—есть первый шагъ къ развращенію человѣка вообще и воина въ частности!».

Въ этотъ знаменательный день дайте въ душѣ своей слово: не слушать, изгонять отъ себя, и избѣгать какъ чумы, разныхъ непризванныхъ учителей и смутьяновъ.

Дайте слово доброю службою оправдать довѣріе и любовь къ вамъ вашего командира, ходатайствовавшего за васъ и поручившагося за васъ.

Получивъ сейчасъ винтовки, вы встанете, сравненными, въ ряды гарнизона этой крѣпости. Немногочисленному, но испытанному гарнизону Государемъ Императоромъ ввѣрена эта крѣпость, служащая передовымъ оплотомъ чести и интересовъ родины на этой окраинѣ. Задача гарнизона—вы знаете—въ случаѣ войны—принять на себя первые удары врага и побѣдоносно отразить ихъ, ибо крѣпость эта именуется «не-славаемою», не по инженернымъ сооруженіямъ и естественнымъ твердынямъ, а по крѣпкому, могучему духу ея защитниковъ. Богаты были наши моряки, считавшіеся истинными патриотами, этимъ духомъ прежде, богаты еще и теперь.

Выйдя въ Портъ-Артуръ (какъ и въ Севастополѣ) изъ родной стихіи на сушу, съ винтовками-же въ рукахъ, они всѣ, какъ одинъ, грудью стали на форты, отчаянною храбростію удивляя даже геройскихъ стрѣлковъ и своею горячею кровью обильно оросили развалины Артура.

Помолимся-же, чтобы помогъ вамъ Господь въ службѣ вашей для блага родины, тревожная и ненадежная пора для которой не миновала и теперь.

Сибирскаго флотскаго экипажа священникъ А. Богословскій.